

— Сюй Инбай...

— Сюй Инбай!!!

Душераздирающий, полный боли крик внезапно взорвался прямо в ушах.

Затуманенное сознание Сюй Инбая вернулось от этого истошного, полного слёз зова. Его взгляд постепенно прояснился, и перед глазами предстали огромные языки пламени. Обжигающий огонь пожирал потолочные балки, и одна из них, не выдержав, с грохотом обрушилась на пол!

Под взметнувшимся к небесам пламенем какой-то человек в испачканных белых одеждах стоял к нему спиной, опустившись на колени, а его некогда прямая спина постепенно сгибалась.

Языки пламени лизали его одежды, но он совсем не обращал на это внимания, лишь судорожно сжимал в руке что-то, а затем припал к этому долгим поцелуем.

— Подожди меня... Я иду за тобой...

Его слова затихли, и он медленно завалился набок. Сюй Инбай инстинктивно протянул руку, пытаясь удержать его, но пальцев прошли сквозь его тело. Сюй Инбай замер, а в этот момент на него хлынула бушующая стена огня, и яростное пламя мгновенно поглотило их!

Широкие тракты Северо-Запада были занесены желтым песком. Солдаты шли ровным строем, а в самом центре колонны покачивалась и медленно продвигалась вперед одинокая повозка.

Внутри повозки Сюй Инбай резко открыл глаза и, опираясь на стоявший там столик, приподнялся. От этого движения накинутая на его плечи светло-серая просторная накидка вместе с лежавшими на столе бумагой и кистью соскользнула на пол.

Ужас от пережитых в огне кошмаров постепенно рассеивался.

Тот человек... кто он?

Только что... это был сон?

Или, может быть, предсмертная иллюзия, проносящаяся перед глазами уходящего из жизни человека?

Сюй Инбай проследил взглядом за источником звука: в углу повозки маленький слуга в серых даосских одеждах и шапочке протирал глаза.

Более того, хотя прошел всего год, у него возникло ощущение, будто минула целая жизнь, казалось, что утекло много-много лет.

А может быть, из-за пережитых на грани жизни и смерти испытаний время показалось ему бесконечно долгим.

Это был собственный почерк Сюй Инбая.

Звук упавших бумаги и кисти разбудил спавшего на другом конце повозки Се Цзинвэя, который пробормотал:

— ...Учитель проснулся?

Словно вынырнув из полуночного сна, он с изумлением осознал, что всё случившееся было лишь сном.

Этот окрик заставил Се Цзинвэя остолбенеть.

Боль подсказывала Сюй Инбаю, что по крайней мере сейчас он вовсе не спит.

Куда это меня занесло? — подумал про себя Сюй Инбай. — В обитель Владыки подземного мира или в храм Трех Чистот?

Перед переправой через реку никчемный император и князь Су вступили в сговор и после переправы устроили затаенную ловушку, чтобы убить его: тысячи стрел полетели одновременно, и укрыться было негде.

Когда это учитель обращался к нему с такой неуверенной интонацией?

Он тяжело и прерывисто дышал. Пейзаж внутри повозки отражался в его глазах, когда в груди внезапно вспыхнула тупая боль, и он зашелся в яростном кашле.

Се Цзинвэй надул щеки, свел брови к переносице и протянул руку, чтобы проверить лоб Сюй Инбая:

— Ууу-у-у, учитель, неужели вы во сне умудрились растерять весь свой разум и позабыли ученика?

Неужели это... он вернулся из мертвых? Сюй Инбай был потрясен.

На документе стояла дата: шестой день восьмого месяца первого года правления Каймин,

чернила были еще свежими — судя по всему, он написал это вчера, когда находился в полном рассудке.

Выходит, это ровно за год до его собственной смерти...

Почерк на листе бумаги был до боли знаком — размашистый и сильный. Мэй Юн, занимавший пост помощника министра ведомства чинов и бывший в ту пору признанным мастером каллиграфии и живописи династии Цзинь, не раз отзывался об этом почерке как о бесценном сокровище.

Сюй Инбай машинально постучал пальцами по столу и неуверенно позвал:

— ...Цзинвэй?

Какая наглость!!!

Боль от ранения стрелой — такая отчетливая, пронзительная и едва не лишаящая чувств — не была фальшивкой; в тот миг он был близок к тому, чтобы окончательно потерять сознание.

После того как в него попала стрела, он рухнул в бурные воды реки, и Сюй Инбай вовсе не верил, что при таких обстоятельствах он мог остаться в живых.

Сюй Инбай не отстранился, и пухлая детская ручка Се Цзинвэя легла ему на лоб, в то время как его собственный взгляд упал на разбросанные по полу исписанные листы.

Получить ранение стрелой и упасть в реку... да само спасение тела было бы чудом, ниспосланным Тремя Чистотами!

Помимо вздоха облегчения, Сюй Инбай испытал и глубокую, жгущую ярость!

Он никогда не помышлял о предательстве и изо всех сил помогал Вэй Чжану! Но Вэй Чжан пожелал его смерти!

Он даже не стал дожидаться, пока закончатся враги и нужда в нем отпадет, и приказал пронзить его тело тысячей стрел!

Сюй Инбай изучал даосизм, и его наставник Сюань Цинцзы вечно твердил ему о покое, неделании, следовании естественному ходу вещей и законах кармических перерождений... Но столкнувшись лицом к лицу со столь непостижимым чудом, как перерождение, Сюй Инбай далеко не сразу смог принять это целиком и полностью.

Все люди говорят, что мертвые не могут воскреснуть, но сейчас, глядя на свежие чернила на бумаге, Сюй Инбай впервые усомнился в истинности этих слов.

Даже если круг сансары и впрямь существует, почему он не переродился младенцем, а вместо этого вернулся на год назад перед собственной смертью?

Сюй Инбай поднял свою серую накидку. Его белые, словно нефрит, пальцы были длинными и изящными, еще не истощенными так сильно, как год спустя; а отправленный в изгнание в прошлой жизни Се Цзинвэй всё так же находился рядом и болтал без умолку, порой докучая своей болтовней.

Сухой ветер откинул занавеску повозки, и бледные губы Сюй Инбая слегка потрескались, отозвавшись легкой колющей болью.

Всё вокруг было до боли реальным и знакомым, в этом не было ни капли фальши.

Почти за полчаса Сюй Инбай с трудом смирился с тем фактом, что он не просто не погиб, а вернулся к жизни.

Как же... превратна судьба.

Он снова поднял упавшее на землю письмо — на нем был начертан его собственной рукой военный отчет. Пока повозка со скрипом катила вперед, Се Цзинвэй поправил сползшую шапочку и с плаксивым выражением лица снова позвал:

— Учитель...

Сюй Инбай тяжело выдохнул.

Воспоминания прошлой жизни всплыли в памяти: в четвертом месяце первого года правления Каймин племена Уцзюэ вторглись на приграничные земли, а правитель Сучжоу Янь Шицин не оказал нагрянувшим врагам ни малейшего сопротивления, в то время как Нин-ван сослался на болезнь и отказался выступить в поход. Застава Цзяюйгуань оказалась в критическом положении. Не имея другого выхода, Сюй Инбай лично вызвался отправиться на заставу Цзяюйгуань в качестве главнокомандующего и потратил почти четыре месяца на то, чтобы отбросить племена Уцзюэ.

В конце седьмого месяца первого года правления Каймин прибыл императорский указ с жестким требованием немедленно возвращаться в столицу со всем войском.

В этот самый момент он как раз возвращался в Чанъань.

Сюй Инбай протянул руку и потрепал Цзинвэя по щеке; в уголках глаз одиннадцатилетнего Се Цзинвэя еще блестели слезы.

Это был первый человек из прошлого, которого он встретил после пробуждения, к тому же его собственный младший ученик. Сюй Инбай, от природы холодный и не склонный к красноречию, на редкость терпеливо принялся утешать мальчика:

— Ну всё, перестань плакать, учитель не забыл тебя.

Услышав это, Се Цзинвэй широко раскрыл глаза, смешавшись от недоверия:

— Учитель, неужели вас нечистая сила попутала?!

Хотя Сюй Инбай и баловал Се Цзинвэя, нрав у него был суровый, и в обычные дни он редко вот так умиротворял ребенка. Глаза Се Цзинвэя округлились до размеров медных монет.

Сюй Инбай дернул уголком рта и, согнув палец, несильно щелкнул Се Цзинвэя по лбу.

Почувствовав боль, Се Цзинвэй зажал макушку руками, но голос его звучал радостно и звонко:

— Настоящий учитель!

Глупый ребенок.

Мысленно вздохнул Сюй Инбай, гадая, каково же пришлось этому малышу после его смерти в прошлой жизни.

Внутри повозки витал слабый, до горечи горьковатый аромат лекарственных трав. Сюй Инбай постучал пальцами по столу:

— Вчера мне снова стало плохо.

Услышав это, Се Цзинвэй искривил рот и снова собрался заплакать, но стоило Сюй Инбаю бросить на него легкий взгляд, как мальчик мгновенно оборвал всхлипывания:

— Да, вчера учитель потерял сознание от боли.

И, добавив с обиженным видом, жалобно протянул:

— Вы так напугали ученика.

Сюй Инбай рассеянно погладил бумагу под пальцами, успокаивающе потрепал Се Цзинвэя по голове и поправил его сбившуюся набок даосскую шапочку.

Сюй Инбай знал, что его приступы выглядят жутко, но терять сознание от боли случалось нечасто.

На этот раз он и вправду перепугал Се Цзинвэя не на шутку.

Действующая армия получила приказ вернуться из заставы Цзяюйгуань в Чанъань двадцать седьмого числа седьмого месяца, и вот уже почти десять дней они были в пути. Сюй Инбай приподнял занавеску повозки: за ней простирались уже не бескрайние просторы пустыни и степей, а то тут, то там виднелась сочная зелень деревьев и трав.

ЦАО Шу, чиновник ведомства военно-административных дел, следовавший в этот раз в составе имперского войска, верхом на лошади ехал сразу за повозкой. Заметив, что полог кареты приподнялся, он тут же взмахнул хлыстом, приблизился и, склонившись в седле, спросил:

— Есть ли какие-то указания у великого главнокомандующего?

Сюй Инбай окинул взглядом стоявшего перед ним молодого человека. Тому было чуть за тридцать, на нем были доспехи, фигура отличалась крепостью, черты лица были открытыми и правильными, а посреди левой брови красовалась крупная черная родинка.

Эта приметная родинка тотчас напомнила Сюй Инбаю, что перед ним ЦАО Шу, назначенный им тогда офицером сопровождения при армии.

Он потер переносицу, подумав про себя, что прошло совсем немного времени, с чего бы ему забыть столько вещей.

ЦАО Шу всё еще ждал ответа, но вскоре равнодушный и спокойный голос Сюй Инбая донесся до его ушей:

— Ничего особенного.

Услышав это, ЦАО Шу заметно расслабился.

И тут же поспешно добавил:

— Если у тай-вея возникнут дела, вы всегда можете звать подчиненного!

Стоило ему умолкнуть, как полог кареты опустился обратно. ЦАО Шу успел заметить лишь

едва заметный кивок бледного подбородка, мелькнувший за занавеской.

Напряжение в спине ЦАО Шу спало. Он ни за что не посмел бы выказать неуважение к этому молодому вельможе в чине тай-вея.

Четыре месяца назад он, пожалуй, только презрительно фыркнул бы при упоминании Сюй Инбая: какой-то гражданский чиновник, возвышенный покойным императором за увлечение даосизмом и назначенный регентом-опекуном! Пусть он и славился умом, имел немалые заслуги на поприще управления, а простой народ и чиновники превозносили его за благочестие, но разве не было верхом самоуверенности с его стороны — самолично навязаться в главнокомандующие для отражения набегов Уцзюэ у заставы Цзяюйгуань?

Свирепость и отвага кавалерии Уцзюэ были таковы, что даже Нин-ван — искусный стратег, провоевавший полжизни и располагавший лучшей конницей Великой Цзинь — сослался на хворь и заявил, что не сможет противостоять варварам. С какой стати этот молодой человек чуть за двадцать возомнил, будто способен в одиночку защитить рубежи?

Однако с самого четвертого месяца, участвуя вместе с Сюй Инбаем в отражении атак Уцзюэ, он не переставал поражаться непоколебимой силе духа этого юноши и его таланту командовать войсками.

В то же время стремительность, точность и беспощадность, с которыми тот расправлялся с мятежниками, не могли не внушать трепет.

ЦАО Шу невольно думал о том, что неудивительно, почему именно этот человек был избран нынешним императором в опекуны-регенты: он явно не был создан для жизни в пруду!

Ему суждено было взмыть в небеса драконом!

Впрочем, сам «дракон» в этот момент ничуть не подозревал о тех хвalebных мыслях, что роились в голове ЦАО Шу. Он лишь слегка прислонился ладонью к лицу и прикрыл глаза, выглядя так, будто вот-вот погрузится в сон.

Судя по нынешнему темпу продвижения, до Чанъани оставалось еще около десятка дней пути. Сюй Инбай твердо решил воспользоваться этим временем для хорошего отдыха, а заодно как следует обдумать дальнейшие шаги.

В прошлой жизни, вскоре после их возвращения в столицу, племена Уцзюэ вновь совершили набег на приграничные земли. Он собирался снова просить императора разрешить ему возглавить поход к Цзяюйгуань, однако юный император Цзинь Вэй Чжан со слезами на глазах заголосил о необходимости бежать на юг, к реке. Все его убеждения оказались тщетны: простояв на коленях всю ночь напролет в Зале Сюаньчжэн в надежде заставить государя взять свои слова обратно, он так и не добился от Вэй Чжана перемены решения.

Ему оставалось лишь приступить к подготовке переправы через реку в мыслях о том, что он переправит императора в безопасность, а затем вернется через реку в Средние Века на умирение мятежников. Кто бы мог подумать, что едва они тронутся в путь обратно к Чанъани, как головорезы из поместья князя Су настигнут его стрелами, превратив в живого ежа...

Вот так... не успев совершить ни единого подвига, он бесславно погиб. Смерть выдалась до ужаса жестокой, а тело, пожалуй, целиком скормили рыбам.

Сюй Инбай подпер голову рукой. Тушь в кисти напиталась до предела, и капля чернил сорвалась вниз, смазав до полной неразборчивости два иероглифа «Император» на листе бумаги.

Надо полагать, к этому часу Вэй Чжан уже тайком снюхался с князем Су Вэй Цзинмином.

В прошлом Сюй Инбай был настолько загружен делами, что у него просто не оставалось времени следить за выходками Вэй Чжана. Этот бестолковый император, кроме как предаваться разврату да варить пилюли бессмертия с алхимиками, ни на что не годился. Единственным его достоинством было то, что он был еще слишком юн и при этом умудрялся не откинуть копыта от собственных безумств; если же приставить к нему парочку толковых министров, то он вполне мог сойти за государя, способного хотя бы удерживать то, что нажито предками.

Потому-то Сюй Инбай и потерял бдительность в отношении Вэй Чжана.

Кто бы мог подумать, что Вэй Чжан тайком выйдет на связь с князем Су!

Истинный глупец... — поразмыслив немного, Сюй Инбай дал Вэй Чжану, пропадавшему в те дни в разврате и пьянстве в Чанъани, самую точную и заслуженную оценку. — Верх тупости.

Вместо того чтобы приблизить к себе верных министров, он то и дело менял указы и бросился в объятия амбициозного удельного князя.

С таким хищником и зверем, как князь Су, снюхиваться для Вэй Чжана всё равно что делить шкуру неубитого медведя. Заполучив императора в свои руки, князь Су разве не получит в распоряжение великое знамя, чтобы «повелевать царедворцами от имени Сына Небесного»?!

Сюй Инбай притянул к себе лежавшую на столе карту, бегло окинул ее взглядом, и в его голове уже созрел четкий план.

Раз уж Вэй Чжан так жаждет бежать на юг и прислуживать там кому-то в роли внука, пусть катится.

И не просто пусть катится — он преподнесет ему поистине роскошный дар на прощанье.

Холодный взгляд Сюй Инбаю скользнул по начертанным на карте двум иероглифам: Чанъань.

Заметив отрешенное выражение лица своего учителя и его суровый, пронизывающий взгляд, Се Цзинвэй невольно вздрогнул, гадая, кому же на этот раз не повезет.

Только бы не выяснилось, что он отвлекался от практики чистописания!

Пока он испуганно ежился, его снова легко щелкнули по макушке, и смертоносный голос учителя прозвучал прямо над ухом:

— Чего ты сжался? Сядь прямо.

Лицо Се Цзинвэя мгновенно подобралось, он выпрямил спину и виновато произнес:

— Мне страшно.

— Кхе-кхе...

Не до конца оправившийся от недуга Сюй Инбай не удержался от кашля, и Се Цзинвэй тут же в панике засуетился, принявшись похлопывать его по спине, чтобы помочь восстановить дыхание.

Кашляя, Сюй Инбай спросил:

— Кхе-кхе... Чего, чего ты боишься?

Се Цзинвэй продолжал аккуратно похлопывать его и ответил с абсолютной детской непосредственностью:

— Боюсь учителя!

Сюй Инбай: «...Чего во мне бояться?»

Се Цзинвэй: «Боюсь, что учитель заставит ученика переписывать трактаты».

Сюй Инбай: «.....»

Он невольно хмыкнул, чувствуя смесь веселья и досады, и протянул руку, чтобы наставительно и легко стукнуть Се Цзинвэя по лбу.

<http://bllate.org/book/18659/1798824>